

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(430).084

Л. Н. Беспалова
Нижневартовск, Россия

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ДЕТСКОГО ТРУДА В ФАБРИЧНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема привлечения к работе на промышленных предприятиях детей в Германской империи в XIX в. Особое внимание уделяется концу 80-х гг. XIX в., так как именно в этот период разворачиваются основные дебаты относительно общественной, экономической и морально-этической целесообразности эксплуатации труда этой категории наемных работников. Автор анализирует и сравнивает позиции по данному вопросу различных политических сил, имеющих доступ к принятию значимых государственных решений: Имперской партии, консерваторов, католической партии Центра, поддерживавшей внедрение превентивной охраны труда и, безусловно, национал-либералов, представлявших интересы промышленников. Дискуссионность проблемы законодательной регламентации детского фабричного труда выявляется на основе анализа стенографических отчетов Германского Рейхстага.

Особый интерес вызывает позиция главы прусского правительства, рейхсканцлера Отто фон Бисмарка. Несмотря на его активную деятельность в сфере социальной политики, его реформаторскую работу в сфере создания системы социального страхования рабочих именно в 80-е гг. XIX в., О. Бисмарк был категорически настроен против внедрения законодательства в сфере превентивной охраны труда.

Отдельное внимание автор уделяет результатам проведенной в марте 1890 г. в Берлине по инициативе императора Вильгельма II международной конференции по охране труда.

Ключевые слова: Вильгельм II; Отто фон Бисмарк; охрана труда; детский труд; фабричное законодательство; регламентация; эксплуатация; рейхstag; бундесрат.

Сведения об авторе: Людмила Николаевна Беспалова, преподаватель кафедры документоведения и всеобщей истории.

Место работы: Нижневартовский государственный университет.

Контактная информация: 628605, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56, тел: 8(3466)273510, e-mail: biespalova_80@mail.ru.

Фабричное законодательство в государствах Германии берет начало с регламентации детского труда. Два прусских государственных института с начала XIX века стали решительно выступать за его ограничение. Первым поборником стала школа, которая высказалась за то, чтобы дети до определенного возраста проходили обучение, а значит на этот период не допускались к работе на фабриках. Вторым сторонником ограничения детского труда было военное ведомство, связывавшее недобор в армию с ранним вовлечением детей в производство. Им противостояли промышленники и сами рабочие, опасавшиеся лишиться необходимого подспорья в виде заработка детей (Чикалова 2002: 10).

Мнение сторонников регламентации оказалось более весомым, и 1839 г. в Пруссии был введен ограничительный закон, разрешавший прием на фабрики и рудники детей не ранее 9-летнего возраста и установивший для подростков максимальный 10-часовой рабочий день. Тем не менее, он почти не применялся. В 1853 г. был принят закон, расширявший правила 1839 г. Он допускал детей к работе уже с 12 лет и сокращал рабочее время 12–14-летних

рабочих до 6 часов в сутки. Данный закон оказался более действенным ввиду учреждения фабричной инспекции, сдерживающей в определённой мере произвол промышленников. Но следует отметить, что инспекция в данный период была малочисленной и потому осуществляла свой надзор лишь «там, где окажется надобность». Законы, пусть более умеренные, но все же защищавшие интересы детей, появились и в других германских государствах (в Баварии, Вюртемберге, Саксонии). Труд малолетних рабочих там разрешили с 10, а не с 12 лет, рабочий день подростков был ограничен до 9–10 часов, а не до 6, как в Пруссии. Прусский фабричный закон был распространен на всю территорию Германии только в 1869–1871 гг. (Чикалова 2002: 10).

Несмотря на достигнутые результаты, представители различных политических сил осознавали необходимость дальнейших реформ в сфере охраны труда. Имперская партия, представлявшая интересы крупной промышленной буржуазии, землевладельцев и верхушки бюрократии, через своих депутатов Гюнтера и Рихтера предложила 3 марта 1877 г. проект резолюции, в котором было выдвинуто требование

принятия закона о женском и детском труде (Sellier 1998: 68). В том же 1877 г. фракция Центра выдвинула в рейхстаге знаменитое «предложение Галена», которое в последующем расценивала как основу всей своей социально-политической деятельности. Граф фон Гален 19 марта 1877 г. предложил представить рейхстагу поправки к закону о порядке на производстве от 21 июля 1869 г. Одним из основополагающих пунктов в его заявлении был запрет привлечения детей до 14 лет к работе на фабриках (Ольховская 2014: 49). Впрочем, католическая партия, находившаяся в противостоянии с возглавлявшим прусское правительство О. Бисмарком, даже не надеялась, что ее предложение будет принято и станет основанием для внесения изменений в промышленный устав. «Предложение ни в коем случае не было бы принято», – было опубликовано 23 марта 1877 г. в «Центрумсбрифе» («Посланиях Центра») либеральной штутгартской газеты «Дойче Фольксблатт» («Германский народный листок»), – «но даже если бы произошло невозможное, это бы не сильно помогло. Недуг, которым сильно сегодняшнее общество, засел так глубоко, что побороть его параграфами закона не представляется возможным» (Gabriel, Grosse Kracht 2005: 40). Тем не менее, представленное на рассмотрение рейхстага предложение 1877 г. позволило понять и четко сформулировать основные принципы дальнейшей социально-политической деятельности Центра, ориентированной, в первую очередь, на защиту фабричных рабочих.

На четвертой сессии рейхстага, 30 ноября 1886 г., фракцией Центра в лице Эрнеста Либера вновь было выдвинуто предложение, содержащее требование о запрете фабричного труда для детей в возрасте до 14 лет. Но рассмотрение данного предложения на текущей сессии не состоялось. Уже 14 января 1887 г. рейхсканцлер О. Бисмарк, выступавший противником дальнейшего развития системы государственной охраны труда, распустил рейхстаг, надеясь, что в результате новых выборов сформируется более лояльный ему состав (Boentert 2007: 256–257).

Действительно, выборы в рейхстаг в конце февраля 1887 г. привели, прежде всего, к усилению национал-либеральной фракции, которая в картелях дружественных Бисмарку партий – национал-либералов, имперской партии и немецких консерваторов – заняла лидирующее место. Вместе картельные партии получили 220

мест и, тем самым, абсолютное большинство. При этом фракция социал-демократов из-за неравномерного деления избирательных округов и системы перебаллотировок потеряла мандаты.

Но, несмотря на казавшееся Бисмарку выигрышным изменение парламентских сил, ожидаемой им смены курса в сфере охраны труда не произошло. Напротив, не единожды откладывавшиеся в предшествующие годы дебаты были успешно завершены. Исходя из уже известных предложений Центра, комиссия рейхстага по охране труда сформулировала в мае 1887 г. расширенный законопроект по внесению изменений в промышленный устав (Stenographische Berichte 1887: 127–149). Впервые парламентарии всех крупных партий, стоявшие в комиссии, сошлись на полном запрете фабричной работы детей школьного возраста. Второе чтение проекта даже закончилось единогласным вотумом комиссии.

Этот результат на первый взгляд выглядит поразительным. В комиссии 1887 года – в отличие от предшествующих годов – не были представлены социал-демократы, вместо этого в нее входило большое число представителей со стороны работодателей. С другой стороны, можно предположить, что именно реорганизация комиссии способствовала успешному завершению подготовительных работ. Ведь требования «социал-демократических агитаторов», как и прежде, побуждали многих работодателей, консерваторов и депутатов Центра к самозащите, так что их отсутствие в комиссии лишь облегчало принятие непредвзятых, обоснованных решений (Boentert 2007: 258).

Председатель комиссии, национал-либерал Вильгельм Ойхельхойзер в 1886 г. в своей книге «Рабочий вопрос» («Die Arbeiterfrage») выступил за то, чтобы «фабричный труд детей младше 14 лет, т.е. до окончания школьного обучения, полностью запретить» (Oechelhäuser 1886). Таким образом, он предлагал разрешить непреодолимое противоречие между работой и обязательным школьным обучением. Но поскольку он предлагал комиссии запретить не только фабричный труд, но и любую другую форму оплачиваемого детского труда, большинство членов комиссии (13 против 4-х) отклонили этот вариант как чрезмерный. «Физический труд, если только при этом соблюдается мера..., не нанесет вреда школьнику, а подействует бодрящее и освежающее на тело и дух ребенка и ускорит его продвижение в будущей

профессии», – такой тезис содержал итоговый отчет комиссии. Отчет содержит также петиции двух мелких фабрикантов, владельца швейной фабрики Франца Роста и «бумажного фабриканта» Вильгельма Шурата из Брандиса. Их позиция заключалась в том, что, как и прежде, «... особенно многодетные семьи рабочих либо совсем не могут обходиться без детского труда, либо испытывают серьезную нужду, которая в первую очередь отражается на самих детях. Предложенное (Ойхельхойзером) предписание отнюдь не обеспечивает выход из тяжелого положения там, где это нужнее всего – в семье; это было неоднократно доказано, что в сфере кустарного производства нередко сами родители являются теми, кто из-за нужды или недопонимания нещадно эксплуатирует своих детей как рабочую силу». В ответ на петиции депутатом из Берлина Карлом Баумбахом была высказана инициатива о распространении контроля фабричных инспекторов за детским трудом в ремесленном и кустарном производстве (*Stenographische Berichte* 1887: 137). Но большинство членов комиссии было убеждено, что такого рода планы поставили бы перед надзорными органами требования, «которые те при существующих обстоятельствах не могут удовлетворить». В результате рассмотрение вопроса об ограничении детского труда в кустарном производстве был отсрочено. Несколько беспомощным жестом выглядел запрос комиссии к «союзным правительствам» «как можно скорее представить в рейхстаг законопроект, который регулировал бы занятость детей на производстве помимо фабрик при должном внимании к их физическому, нравственному и интеллектуальному развитию».

Во втором и третьем чтении законопроекта об ограничении детского труда большая часть депутатов рейхстага следовала проложенным комиссией путем. Вновь было высказано предупреждение о том, что запрет детского фабричного труда «как изолирующая мера» детям скорее навредит, чем пойдет на пользу; что изгнанные из фабрик дети, поскольку их заработка многодетным семьям рабочих будет недоставать, станут искать работу и заработок в кустарном производстве – и найдут. (*Stenographische Berichte* 1887: 797). Впрочем, обе альтернативы, как полный запрет фабричного труда, так и запрет детского труда в кустарном производстве, не нашли достаточного одобрения.

Вопрос о законодательном запрещении детского труда стал в конце концов, по меткому выражению депутата от партии Центра Франца Хитце, прямым «последствием всеобщего школьного образования» (*Stenographische Berichte* 1887: 130). Только на заключительном этапе, и с либеральной стороны, в первую очередь, были приведены экономические аргументы, обосновывающие планирующийся запрет детского фабричного труда. В заметном контрасте с ранними радикально-либеральными позициями (и в открытом противоречии с новыми петициями Центрального объединения немецких промышленников) левый либерал и фабрикант Райнхарт Шмидт заявил, к примеру, что немецкая экономика не только выдержит запрет детского труда, но и в перспективе получит из этого выгоду. Он рассуждал следующим образом: «Дешевый детский труд, низкие зарплаты воздействуют на энергию производителя, подавляют и парализуют его стремление совершенствовать организацию труда, они препятствуют также прогрессу в технике. Детский труд означает для промышленности застой и, тем самым, регресс, а ликвидация детского труда приведет с собой прогресс в технике, в промышленности и повышение зарплат взрослых рабочих». Запрет детского фабричного труда, по его мнению, усилит, наконец, давление на работодателей, заставит их «двигаться вперед и выйти из застоя», что приведет промышленность к оздоровлению.

Летом 1887 года большинством членов рейхстага было принято решение о переработке промышленного устава и новом запрете детского труда. Это решение вначале не дало практических результатов: прусское правительство и бундесрат, не отклоняя проект официально, просто его игнорировали. Но уже на следующей сессии рейхстага, зимой 1887/88 гг., не позволивший себя сломить Центр снова повторил предложение по изменению промышленного устава.

Только год спустя, 27 ноября 1888 г., глава правительства О. Бисмарк одобрил законопроект. Но одновременно он проинструктировал статс-секретаря имперского ведомства внутренних дел Генриха фон Бёттихера, своего представителя в Бундесрате, отклонить проект в палате земель. Соответственно «союзные правительства» 19 ноября 1888 г. не дали своего согласия на одобренный рейхстагом законопроект. От имени правительства фон Бёттихер сообщил в январе 1889 г. парламентари-

ям, что, по мнению правительства, три основания говорят против дальнейших законодательных мер по охране труда фабричных рабочих: «Исходя из существующих обстоятельств, бундесрат не пришел к убеждению, что существует настоятельная необходимость в законодательном вмешательстве в том объеме, в каком это намерен предложить Рейхстаг в своих решениях; также бундесрат убежден, что благие цели рейхстага на том пути, которым предлагает следовать законопроект, даже приблизительно не могут быть достигнуты; и, в-третьих, союзные правительства не могут одобрить ограничение возможности рабочих использовать свои трудовые силы в максимальной мере, так как они обязаны в первую очередь заботиться об общественном благе» (Stenographische Berichte 1889: 556).

Зимой 1889 г., после крупной забастовки горнорабочих в Рурской области на повестку дня рейхстага снова были поставлены сразу несколько предложений по совершенствованию охраны труда. Безусловное влияние оказал и состоявшийся 14 июля того же года в Париже первый международный социалистический рабочий конгресс, вновь привлекший внимание общественности к необходимости социальных реформ. Тем не менее, реакция правительства оставалась неизменной: «не произошло ничего, что бы побудило бундесрат снова заняться этим вопросом и изменить отрицательную позицию».

Хотя фракции рейхстага вновь и вновь настаивали на корректировке закона и различные позиции в сфере охраны детского труда в 80-е гг. ощутимо сблизились, декада прошла без заметных изменений в этой области. Бисмарк был по многим причинам заинтересован в построении и развертывании законодательной системы социального страхования – это не в последнюю очередь было связано с надеждой превратить вновь образованные корпоративные союзы в разновидность оппозиционного парламента. Профилактической охране труда он, напротив, оказывал сопротивление на протяжении всего своего срока нахождения в должности рейхсканцлера. Он разделял точку зрения многих предпринимателей, что национальная самостоятельность в этой сфере может повредить конкурентоспособности немецких производителей. Он отвергал также связанное с каждым охранным законом «бюрократическое вмешательство в семейную жизнь и свободную волю отдельных лиц» и предостерегал от финансово-

вых потерь, с которыми столкнутся рабочие при сокращении их рабочего времени. Согласно воспоминаниям Бёттихера, Бисмарк в деловой беседе с ним 7 января 1890 г. заявил, что он «не смог бы одобрить никаких изменений, находящихся в противоречии со всем его прошлым и его экономическими взглядами; он не хотел бы нести ответственность за ограничение возможности заработка для голодающих рабочих и их терпящих нужду вдов; он считает занятость молодых, выросших из школьного возраста рабочих, полезной для них и их семей и никогда не даст свое согласие на то, чтобы опьянение гуманностью в этой сфере привело к обстоятельствам, которые повредят отечественному хозяйству и приведут к недовольству рабочего класса» (Boentert 2007: 262).

Слова рейхсканцлера свидетельствуют, что он не был противником запрета фабричного труда детей школьного возраста. Также немецкий историк Вольфганг Айсс при анализе бисмарковских карандашных заметок на полях документов имперских и прусских министерств не нашел «ни одной критической заметки» рейхсканцлера относительно охраны труда работающих школьников младше 14 лет. Последние относящиеся к этому комментарии, которые О. Бисмарк оставил весной 1890 г. на полях предложения по охране труда, составленного саксонским правительством, даже говорят об его однозначном согласии на усиление охраны детского труда. В то время как саксонское правительство хотело сохранить статус-кво, канцлер отметил продвижение рейхстага в этой сфере как «именно полезное», поскольку детский труд на фабриках приводит к «увечьям детей». Вновь отразившимся в предложении Саксонии опасениям, что запрет детского фабричного труда приведет к сознательному расширению детского труда в кустарном производстве, он противопоставил короткое требование: «От этого закон также должен защищать» (Boentert 2007: 263).

Эти малоизвестные высказывания О. Бисмарка имеют большое значение для объяснения застоя в сфере охраны детского труда: бесконечное откладывание этого вопроса было, вероятно, результатом объединения различных мер по охране труда в одном законопроекте. Поскольку О. Бисмарк отклонял все прочие составные части дополнений к промышленному уставу, он вынужден был блокировать и изменение положений по охране детского труда. Отдельный закон по охране детского труда,

вероятнее всего, довольно быстро получил бы требуемое одобрение рейхсканцлера и «союзных правительств». Но поскольку дела обстояли иначе, институциональные изменения начались только после снятия О. Бисмарка с должности весной 1890 г.

Очередная крупная забастовка горнорабочих в Рурской области весной 1889 г. вывела серьезные противоречия между канцлером Бисмарком и новым императором Вильгельмом II. В то время как Бисмарк хотел спровоцировать эскалацию ситуации или, по крайней мере, использовать ее для оправдания дальнейших санкций против социалистического рабочего движения, правивший первый год молодой император был заинтересован в мирном урегулировании конфликта. Когда же в декабре этого года снова поднялась волна забастовок, разногласия между Бисмарком и Вильгельмом II обострились.

Вступив в открытое противостояние со своим состарившимся на службе рейхсканцлером, молодой император надеялся благодаря социально-политическим инициативам добиться для монархии поддержки масс и широкого признания себя как правителя. Своевременные реформы должны были помочь избежать революционной опасности. Вероятно, на социально-политические взгляды Вильгельма повлияли также его учитель, суровый кальвинист Георг Хинцпетер и бывший придворный священник и основатель Христианско-социальной рабочей партии Адольф Штекер.

Одной из первых мер на пути императора к новому «популярному абсолютизму» – таким термином обозначил политику юного Вильгельма Бисмарк в своих «Воспоминаниях» – было издание 4 февраля 1890 г. двух указов, адресованных для исполнения рейхсканцлеру и двум прусским министрам общественных работ, промышленности и торговли соответственно. В этих «февральских указах» была обозначена необходимость «идти навстречу тем потребностям и желаниям рабочих, которые выявились во время забастовок последних лет или каким-либо другим образом». Среди прочего должны были подвергнуться проверке действующие предписания промышленного устава «об условиях труда фабричных рабочих». Эта проверка «должна была исходить из того, что одной из задач государства является так регулировать время, продолжительность и вид работы, чтобы сохранение здоровья и моральных норм, материальные запросы рабочих

и их потребность в правовом равенстве соблюсти» (Boentert 2007: 264).

Уже 24 января 1890 г. Вильгельм конкретизировал свои социально-политические требования на срочном заседании королевского совета, в том числе поднял вопрос о законодательном запрете работы женщин по ночам и в выходные дни. Предлагалось запретить работу рожениц в последние три недели беременности и в первые три недели после родов. В сфере государственной охраны труда детей и молодежи разработки Вильгельма II не содержали никаких новых требований. С одной стороны, он не хотел ухудшить материальное положение рабочих, что при запрете детского фабричного труда по крайней мере в первое время было вероятно. С другой стороны, он опасался, что «дети, в особенности мальчики и девочки подросткового возраста, будут «болтаться» вне дома, что приведет к падению нравов» (Tennstedt 1981: 195). Также Вильгельму, вероятно, были известны опасения промышленников, что введение более строгих национальных правил охраны труда значительно обременит конкурентоспособность отечественной промышленности. Но вместо того, чтобы безоговорочно согласиться с этими аргументами, Вильгельм II дал прусскому правительству в лице рейхсканцлера поручение, провести переговоры с правительствами ведущих индустриальных государств и добиться международных договоренностей в сфере охраны труда.

Подготовительные работы к международной конференции по охране труда, несмотря на интриги Бисмарка, прошли оперативно: уже 15 марта 1890 г. состоялось открытие 14-дневного собрания в Берлине. Вопреки ожиданиям (и пожеланиям) канцлера, 12 европейских правительств послали своих представителей: Бельгии, Дании, Франции, Великобритании, Италии, Люксембурга, Нидерландов, Австро-Венгрии, Португалии, Шведско-норвежской унионии, Швейцарии и Испании. Посланник Ватикана также принял участие в переговорах. При этом, в практическом отношении конференция принесла скучные результаты, «ни к чему не обязывающий каталог пожеланий». Но принятия общеобязательных норм от этой первой конференции в любом случае не следовало ожидать. Во-первых, большинство собравшихся чиновников не были наделены соответствующими полномочиями. Во-вторых, состояние фабричного законодательства и готовность к государственному вмешательству в сферу

производства в европейских странах была настолько разной, что принятие единых требований представляло собой сложнейшую задачу. Кроме того, оставался открытым вопрос, как реализация международных социально-правовых норм могла соблюдаться без нарушения суверенитета национальных государств.

Основная дискуссия на конференции развернулась вокруг определения возрастной границы допуска к фабричному труду. В то время как Швейцария и Австрия предлагали установить минимальный возраст в 14 лет, Франция и Великобритания выступали за возрастную границу в 12 лет. Делегации Италии и Испании и вовсе категорически воспротивились устанавливать для всех государств обязательный допустимый возраст. Наконец, в качестве компромисса для большинства государств была предварительно установлена возрастная граница в 12 лет, для южноевропейских – 10. Дополнительно, в соответствии с пожеланиями германских участников конференции, предлагалось, «чтобы допущенные на промышленные предприятия дети прежде проходили начальное обучение». Особенно сложным оказалось определение единой максимальной продолжительности рабочего дня для детей. Немецкое предложение – 6-часовой рабочий день при получасовом перерыве – было отклонено в первую очередь Италией, Венгрией и Бельгией. Италия и Венгрия проголосовали за 8-часовой рабочий день. Бельгийская делегация пошла еще дальше: сокращение рабочего времени для 12–16-летних менее чем до 12 часов ежедневно было названо ими совершенно неприемлемым. Но в конце концов большинство высказалось за предложение представителей Германии. Единочьесие было достигнуто только при обсуждении запрета работы детей младше 14 лет по ночам, в выходные и праздничные дни (Boentert 2007: 267).

Состоявшаяся в 1890 г. международная конференция едва ли стала для Германской империи источником новых идей в сфере охраны детского труда. В лучшем случае она подтвердила требования рейхстага и многочисленных специалистов, настаивавших на полном удалении детей школьного возраста из фабрик. Тем не менее, значение международного съезда не следует и преуменьшать: с него начался «новый курс» в немецкой социальной политике. Во-первых, конференция по охране труда выявила то, что забота о международной конкурентоспособности более не способна блокировать дальнейшее развитие законодательства об охране труда. В тех государствах, где охрана детского труда прежде не соответствовала общественным нормам, теперь были «воздвигнуты моральные барьеры, за которыми законодательство... не могло оставаться». Во-вторых, само проведение конференции воспринималось как «окончательное поражение Бисмарка в его борьбе против превентивной государственной охраны труда». Еще в то время, когда иностранные гости заседали в Берлине, канцлер – под давлением императора – попросил о своей отставке. 20 марта 1890 г. Вильгельм II принял прошение, завершив эру Бисмарка, в том числе и в социальной политике (Boentert 2007: 267).

Законодательный запрет на использование детского труда власти Германской империи приняли лишь в 1891 г., подняв допустимый возраст до 13 лет. Понадобилось 38 лет, чтобы повысить всего на один год возраст подростков, допускавшихся к работе в промышленности. Тем не менее, законодательная регламентация труда, достигнутая к исходу XIX в., смягчала крайние формы эксплуатации детей. Была создана база для последующего расширения трудовых прав, их распространения на новые группы трудящихся.

ЛИТЕРАТУРА

- Ольховская О. В. 2014. Партия «Центр» в Германии 70-х годов XIX века: организация, идеология, политическая практика: Автoref. дис. ... канд. ист. наук. Брянск.
- Чикалова И. Р. 2002. Женский и детский труд в странах Западной Европы и США в XIX веке // Женщины в истории: возможность быть увиденными: сборник науч. ст. Вып. 2 / под ред. И.Р. Чикаловой. Минск: БГПУ, 148–170.
- Boentert A. 2007. Kinderarbeit im Kaiserreich 1871–1914. Paderborn: Ferdinand Schöningh.
- Gabriel K., Grosse Kracht H.-J. 2006. Franz Hitze (1851–1921), Sozialpolitik und Sozialreform: «beginnen wir einmal praktisch». Paderborn: Schöningh.
- Oechelhäuser W. 1886. Die Arbeiterfrage. Berlin: Julius Springer.
- Sellier U. 1998. Die Arbeiterschutzgesetzgebung im 19. Jahrhundert. Das Ringen zwischen christlich-sozialer Ursprungsidee, politischen Widerständen und kaiserlicher Gesetzgebung. Paderborn: Schöningh.
- Tennstedt F. 1981. Sozialgeschichte der Sozialpolitik in Deutschland. Vom 18. Jahrhundert bis zum Ersten Weltkrieg. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht.
- Stenographische Berichte [und Anlagen] über die Verhandlungen des Reichstages des Norddeutschen Bundes. 1887. Bd. III. Nr. 21–23.

- 9 Sitzung. 16 März 1887. / Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages. Bd. I.
 38 Sitzung. 08 Juni 1887. / Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages. Bd. II.
 25 Sitzung. 23 Januar 1889. / Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages. Bd. III.

REFERENCES

- Olkhovskaya O. V. Partiya «Tsentr» v Germanii 70-kh godov XIX veka: organizatsiya, ideologiya, politicheskaya praktika: Avtoref. dis. ... kand. ist. Nauk [The German Center Party of 1870-s: organization, ideology, political activity: An author's abstract of the thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences]. Bryansk, 2014. (In Russian).*
- Chikalova I. R. In: Zhenshchiny v istorii: vozmozhnost byt uvidennymi [Women in history: An opportunity to be seen: A collection of studies]. Vol. 2. Ed. by I.R. Chikalova. Minsk: Belarusian State Pedagogical University, 2002. pp. 148–170. (In Russian).*
- Boentert A. Kinderarbeit im Kaiserreich 1871–1914. Paderborn: Ferdinand Schöningh. 2007.*
- Gabriel K., Grosse Kracht H.-J. Franz Hitze (1851–1921), Sozialpolitik und Sozialreform: «beginnen wir einmal praktisch». Paderborn: Schöningh. 2006.*
- Oechelhäuser W. Die Arbeiterfrage. Berlin: Julius Springer. 1886.*
- Sellier U. Die Arbeiterschutzgesetzgebung im 19. Jahrhundert. Das Ringen zwischen christlich-sozialer Ursprungsidee, politischen Widerständen und kaiserlicher Gesetzgebung. Paderborn: Schöningh. 1998.*
- Tennstedt F. Sozialgeschichte der Sozialpolitik in Deutschland. Vom 18. Jahrhundert bis zum Ersten Weltkrieg. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht. 1981.*
- Stenographische Berichte [und Anlagen] über die Verhandlungen des Reichstages des Norddeutschen Bundes. 1887. Bd. III. Nr. 21–23.
- 9 Sitzung. 16 März 1887. In: Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages. Bd. I.
- 38 Sitzung. 08 Juni 1887. In: Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages. Bd. II.
- 25 Sitzung. 23 Januar 1889. In: Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages. Bd. III.

*L. N. Bespalova
Nizhnevartovsk, Russia*

PUBLIC POLICY OF GERMAN EMPIRE CONCERNING CHILD LABOUR PROTECTION IN FACTORY INDUSTRY

Abstract. This study considers the issue of child labour at industrial enterprises of German Empire in the 19th century. The author gives special attention to the period of late 1880-s, as it was the time when the public was actively debating the economic, moral and ethical rationale for exploiting children as a category of hired employees. The paper analyses and compares the views of different political forces able to make relevant decisions, including the Imperial Party, the Conservatives, the German Centre Party supporting preventive labour protection and the National Liberals protecting the industrial interests. The author establishes the fact the issue of child labour was under much public and legislative discussion based on analysis of stenographic reports of German Reichstag.

The viewpoint of the Prussian government leader, Reichschancellor Otto von Bismarck, is of particular interest. Despite his active position in social politics and his reforms in the social security system in the 1880-s, Otto von Bismarck was turned against introducing the legislation in the field of preventive labour protection.

The author pays special attention to the results of the International Conference on Labour Protection held in March 1890 in Berlin and initiated by the Emperor Wilhelm II.

Key words: William II; Otto von Bismarck; labour protection; child labour; factory legislation; regulations; exploitation; Reichstag; Bundesrat.

About the author: Ludmila Nikolaevna Bespalova, Lecturer at the Department of Document Science and General History.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

УДК 94 (410)

*B. H. Ерохин
Нижневартовск, Россия*

ЦЕРКОВЬ АНГЛИИ В ПРЕДРЕФОРМАЦИОННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XVI в.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с оценкой внутреннего состояния церкви Англии и роли церкви в английском обществе накануне Реформации в первые десятилетия XVI века.

При изучении этих проблем в современной британской исторической науке продолжается полемика между либеральным и ревизионистским направлениями для прояснения причин Реформации в Англии. В рамках либеральной концепции понимания Реформации в Англии восприятие реформационных идей англичанами объясняется, в первую очередь, привлекательностью протестантизма для образованных англичан, способностью протестантского мировоззрения лучше удовлетворить духовные искания и запросы образованной и наиболее экономически активной части английского общества. В объяснении причин Реформации либе-